

Александр Иванович Куприн

В клетке зверя

Александр Иванович Куприн
В клетке зверя
Серия «О цирке», книга 10

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524405

Аннотация

«У меня был в Гатчине один настоящий друг – содержатель панорамы и зверинца, со входом в тридцать коп. для взрослых и пятнадцать коп. для детей и солдат...»

Александр Иванович Куприн В клетке зверя

У меня был в Гатчине один настоящий друг – содержатель панорамы и зверинца, со входом в тридцать коп. для взрослых и пятнадцать коп. для детей и солдат.

Зверинец, правда, состоял из одного только боа-констриктора, скользкого, ленивого, холодного, объевшегося животного, страдавшего вечным запором. Его выползень до сих пор хранится у меня на стене в виде чешуйчатого прозрачного чехла, полутора сажень длины. Многие мне этот змеиный укротитель рассказывал во время перерывов между представлениями, а также в пивной поздним вечером, по окончании панорамы, и у меня дома, и среди игры на бильярде.

Он мне говорил о том, как у Гагенбека в Гамбурге дрессируют тюленей, львов, слонов и дикобразов. О том, что любая мышь слушается тонкого звука, произведенного втягиванием воздуха между сжатыми губами: этот звук издают крысиные вожаки, как сигнал к вниманию. О том, что любого слона можно навеки задобрить, давая ему понемножку, в продолжение недели, жевательного английского табаку, который продается в прессованном виде. Этого лакомого угощения слон никогда не забудет, и узнает вас хоть через пять лет, и

затрубит вам навстречу.

И вот однажды мы разговорились с ним о закулисных цирковых драмах. — ...Да, да, да, — сказал он задумчиво. — Мне тоже приходилось читать рассказы из цирковой жизни. Все это неправда. Самый любимый мотив у писателей — это непременно месть покинутой женщины: подпиливается проволока, тушится не вовремя электричество, лошади дают отраву и так далее...

Конечно, неправда. У нас, у цирковых людей, совсем нет профессиональной зависти. Понимаете? Ежеминутный страх разбиться, искалечиться, быть укушенным или даже растерзанным — понимаете? — этот страх парализует всякую ревность. Если я тебе не помогу — ты мне тоже не поможешь... А наши женщины, вопреки вашей беллетристике, очень целомудренны и прекрасные матери и жены. Да ведь и то сказать... Ежедневная тренировка... Вечером работа в манеже, постоянное напряжение мускулов, потение, цирковые сквозняки, профессиональные ревматизмы... какой же тут темперамент? Еще у клоунов, именно у шпрех-клоунов — потому что они похожи немного на актеров — есть что-то вроде ревности, зависти и мести. У борцов — конечно. Но мы их презираем. Разве это искусство? Понимаете?

Но бывают случаи... Бывают, бывают... Благодарю вас. За ваше здоровье! Бывает так, что человек седеет в каких-нибудь три-четыре минуты. Всего хорошего!

У меня был один случай. Я работал с медведем. А у меня

был около него человек Яшка. Очень способный малый, и если бы не пьяница, то из него вышел бы прекрасный дрессировщик. Он знал, что я его рассчитаю к концу сезона. Меня в конюшне предупреждали, что он готовит мне какую-то Яшка. Очень способный малый, и если бы не пьяница, то из него вышел бы прекрасный дрессировщик. Он знал, что я его рассчитаю к концу сезона. Меня в конюшне предупреждали, что он готовит мне какую-то пакость, но я не обращал внимания. Своих зверей я всегда сам кормил.

Можете себе представить, что этот подлец сделал? Перед самым моим бенефисом, в самый вечер, он кинул Михал Потапычу в клетку только что зарезанного, еще трепыхавшегося голубя со связанными ногами. Можете себе представить, что этот подлец сделал? Перед самым моим бенефисом, в самый вечер, он кинул Михал Потапычу в клетку только что зарезанного, еще трепыхавшегося голубя со связанными ногами.

Как и всегда, вывожу я моего Мишку. И можете себе представить? Глаза совсем багровые, капризничает, не хочет делать ни одного номера. Кровь попробовал. А публика?

Вы знаете, что такое эта публика? Во время самого рискованного номера она начинает аплодировать, а когда показываешь им какой-нибудь пустяк, они шикают и затаивают дыхание. Я ничего не мог поделать с Михал Потапычем, и мне начали свистать. Вполне естественно, что я разнервничался. Он стоит на задних ногах, ревет и – знаете, как это у

медведей? – все старается дать мне пощечину, то левой, то правой лапой. А это значит – череп набок. Зрители думают, что все это так и надо. Но вот в партере закричал какой-то ребенок. Дети – вы понимаете – они те же зверята. Они чувствуют душой – не разумом. И вот начался переполох...

Конечно, медведь никому бы не принес никакого вреда: ну, примял бы кого-нибудь, оцарапал... настоящей жертвой мог бы быть только я. Но я в это мгновение понял, что сейчас, сию минуту произойдет толкотня, давка, стихийное умопомешательство.

Я не знаю ни одного животного, которое бы так глупо, бестолково и беспощадно вело себя в толпе, как человек. Ей-богу, лошади – и те куда умнее, на что уж глупые животные!

Все это я взвесил в одну секунду. Оглядываюсь назад – нет ни моих людей, ни шталмейстеров. Что мне было делать? Я начинаю его бить изо всех сил хлыстом по морде. Я вообще никогда не бью зверей, а Михал Потапыча даже никогда и не трогал: он был зверь очень умный, рассудительный и злопамятный, с большим чувством собственного достоинства. Правда, потом пришлось его пристрелить.

Он стоит на задних лапах и дерется. А я его хлещу. В это время у меня мысль: заманить его с манежа в коридор, и при том так, чтобы публика не перепугалась. И вот я пячусь задом, бью зверя, а он на меня и – чувствую – свирепеет с каждой секундой. В конюшне он на меня бросился и начал мять. Не помню, как его стащили – я был в обмороке, – но, слава

богу, увел с манежа.

Таких случаев у нас бывает много. Потеря равновесия, не вовремя вывихнувшаяся рука, неудачный каскад, неожиданный каприз животных. Случается нам во время прямого и обратного сальто-мортале неудачно опереться на ноги, и – вот! – все в цирке слышат точно выстрел из детского пистолета. Это у человека лопнула ахиллесова пята, и человек навеки урод, калека, бремя для семьи; или же он будет скитаться по пивным и за пять копеек жрать рюмки и блюдечки и глотать горящую паклю. Но все это у нас не в счет. Понимаете?

Но вот когда я испытал настоящий ужас... и совершенно случайно, по пустякам.

Сейчас расскажу...

Был бенефис моего друга Антонио, музыкального клоуна. В тот день мы очень много пили. В этот сезон работала в цирке Зенида с ее львами. Вечер был необыкновенно удачный: смешной и веселый, и весь точно импровизация. Потом, когда публика уже разошлась, мы сидели с Антонио в моей уборной и пили какой-то очень жестокий коньяк по его рекомендации. Огни в цирке были уже потушены.

И вот, – как это ни смешно вам покажется, – выйдя из уборной, мы заблудились в коридоре. Отворяем одну дверь – уборная, отворяем другую – контора цирка, третья – опять чья-то уборная. Темно, бредем почти ошупью, очень весело настроены и, повторяю, оба пьяны.

Смеемся. Наконец я ощупываю какую-то дверную ручку. Вваливаемся. Инстинкт мне подсказывает, что здесь пахнет сырым мясом и звериным пометом. Ощупываю кругом – решетка. Почему-то нам приходит дурацкая мысль: сесть на пол.

Садимся, и вот я вижу в расстоянии двух-трех дюймов от себя пару зеленых горящих глаз. Потом я слышу чьи-то мягкие, бархатные, но тревожные шаги и биение могучего хвоста о железо решетки. Когда мы освоились с темнотой, то, вероятно, одновременно поняли, что залезли в клетку к зверям Зениды. Они нас не трогали. Давно известно, что у пьяных, у лунатиков и у детей есть какой-то особенный бережливый бог. Но мы отрезвились в одну секунду и, признаюсь, выползли из клетки на четвереньках, задом. Антонио как-то инстинктивно захлопнул дверь. Но он на другой день даже не мог об этом и вспомнить.

Никогда в жизни я не забуду этих мягких, вкрадчивых шагов, этого сдержанного звериного дыхания, этого отвратительного запаха сырого перегнившего мяса из невидимых пастей, этих фосфорических глаз, мелькавших в темноте то здесь, то там... Но чувства испуга ни я, ни Антонио не испытали в эту минуту. Только на другой день вечером, когда я вспомнил наше приключение, то один, лежа в кровати, задрожал и вспотел от ужаса. Понимаете?